

Ркаpl:
21 harfehr
2009 uru
Выходит с
21 декабря
2009 года

АНДРЕЙ БРАЕВ-РАЗНЕВСКИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ АННА
МАМАЕНКО: ЧЕЛОВЕК И КОШКА АНДРЕЙ
КАМИНСКИЙ: ЧЕРНАЯ ИКОНА НЕЛЛИ ПЛАНТ,
НИКОЛАЙ ГРАНКИН: ХАЙКУ ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ:
БОГИНЯ; ПРИТЧА ВАСИЛИЙ МАКАРЧУК: КЛОН
ВЛАДИМИР КИСИЛЕВ: ИЗ БУКВАРЯ ИВАН
КАРАСЕВ: ЧЕЛОВЕК, РИСУЮЩИЙ ЗВЕРЕЙ
АРТЁМ ФРАНИЧ: СВИТЕР ИЛЬЯ КРИШТУЛ: КАК
И ЗАЧЕМ УЧИТЬСЯ ИГРАТЬ В БЕЙСБОЛ
АНДРЕЙ НАСОНОВ: ПОСТПАТРИОТИЧЕСКОЕ

asa#18знание

ALOEGNABR | ЖУРНАЛ СКОРОМЫСЛИЯ НА ЯЗЫКЕ АРАХАУ

GOLOBASCANR...

«Никогда не знал, что говорить...»

asa#17знание

На обложке: работа И. Дубяги «Никогда не знала, что говорить»

Kereibr (Автор идеи)

Iharo Ahanero (Иван Карасев)

Kvavafabr (Главный редактор)

Ihorо Ahiniro (Игорь Васильев)

Küzau (Верстка)

Iharo Ahanero (Иван Карасев)

Kvarfaz (Литературный редактор)

Ihorо Ahiniro (Игорь Ясинский)

Assagese (Творческий совет)

Oharo Ehinaro (Ольга Веснина)

Ahaniharо Ohonyeharо (Наталья Лободырева)

Ahero Uhanoro (Павел Уваров)

Редакция контролирует соблюдение авторских прав.

Перепечатка материалов только с официального разрешения редакции.

E-mail: rbardalzo@yandex.ru

Электронная версия журнала: www.arahau.ucoz.ru

Журнал издается на пожертвования Сообщества Араху.

Печать цифровая.

Тираж ограниченный

г. Краснодар, май, 2015, #18

www.arahau.ucoz.ru

Учебник языка Араху переведен на английский

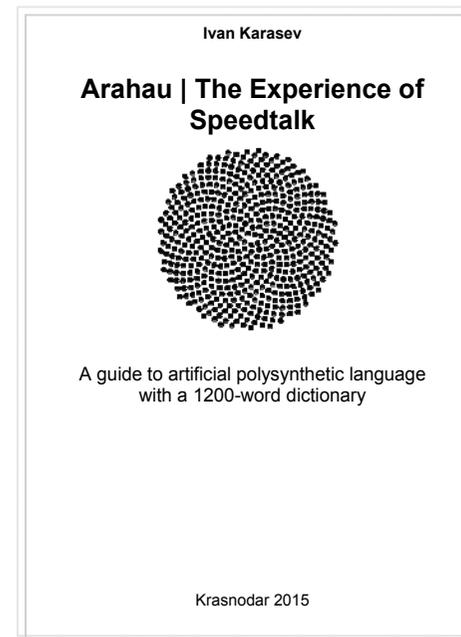
Вышедший в краснодарском издательстве «Книга» учебник искусственного языка Араху переведен на английский язык.

Как мы уже сообщали, начал переводить книгу в середине прошлого года Александр Гусев, а завершил этот нелегкий труд Артём Франич.

После того, как будет сформирован текст в формате PDF, учебник Араху на английском языке появится в интернет-магазине. Сокращенная версия будет доступна на англоязычном сайте <http://sites.google.com/site/rbardalzo/conlangs/arahau-1/textbook-arahau>.

Можно подписаться на учебник Араху.

Для этого нужно отправить свой адрес на почту rbardalzo@yandex.ru с пометкой «Учебник».

В Краснодаре начата подготовка к II Передереевским чтениям

6 июня в Краснодарской Центральной городской библиотеке им. Н.А. Некрасова пройдут Вторые Передереевские чтения. Это – междисциплинарное научно-популяризационное творческое мероприятие, ставящее своей задачей исследование проблем культуры и языка (прежде всего научно-фантастической литературы и фэнтези) в связи с общественной деятельностью и литературным творчеством кубанского фантаста Алексея Передереева (1968-2012), его коллег, друзей и соратников. Чтения учреждены редколлекцией нашего журнала, первым редактором которого был Алексей. Дата была выбрана неслучайно: 6 июня – день рождения писателя-фантаста.

Перспективы развития искусственных языков

Родился в 1974 г. в Красноярске, в 4 года уехал в Саянск, Иркутская область. В 1997-м начал сочинять рассказы и стихи (с 2000-го состоит в городском литобъединении «Среда»), в 2001-м создал свой первый искусственный язык. Работал сантехником. С 2013-го по состоянию здоровья не работает. Литературные сочинения размещает на Проза.ру, языковые – на Лингвофоруме. Есть публикации в газетах.

Прежде чем говорить об искусственных языках, необходимо отметить, что грань между искусственным и естественным не столь очевидна. Мы, к примеру, не знаем совершенно ничего о происхождении естественных языков, а ведь может оказаться, что, к примеру, индоевропейский язык есть вымысел

некоего древнего конлангера. Процессы развития языков также не совсем «естественны», поскольку история народов тесно переплетена с политикой (искусственной), и языки тоже, ну и, наконец, сами готовые продукты – естественные языки – реформируются и от вмешательства реформаторов обычно только выигрывают, идя как бы «войной» против естества.

Если взять, к примеру, малоизвестные, креативные, но непрактичные проекты, то можно заметить, что отрыв от рациональной основы зачастую именно подталкивает к изучению языков, а не отвращает. Создаются как-бы «инопланетные» языки, языки вымышленных миров, и находятся те, кто начинает на них говорить. Языки становятся развлечением, но упрямое большинство по-прежнему не видит в них никакого толка и предпочтет преферанс или покер беседе на такорийском. Книга с такорийским языком вызывает у них какой-то пещерный страх, это примерно как первобытный человек в свое время боялся молнии. Человек, который в компании друзей сказал что-то по-такорийски, сразу же отдаляет от себя коллектив. Он не такой как все, от него надо держать дистанцию. Но, если судить здраво – это совершенно нормальный гражданин, не челоброд какой-нибудь.

Я, к примеру, когда-то приобрел несколько учебников иностранных языков и время от времени почитываю их. Иногда бывает просто приятно подержать в руках книгу. Я не знаю ни одного языка, но при этом использую учебник ровно так же, как какой-нибудь сборник рассказов. Не для заучивания наизусть, а для ЧТЕНИЯ. Еще более естественных интересны искусственные языки, не знаю почему, но будем считать, что это – мое. И, чем экзотичнее язык – тем он интереснее.

Будущее я вижу именно таким, где продается литература по искусственным языкам, и хорошо раскупается, но при этом число говорящих на искусственных языках не велико. Но зато велико число читателей! Представь, что ты создал никому не нужный язык, его изучают тысячи людей, и некоторые даже говорят на нем. А литератор должен довольствоваться лишь тем, что его читают. Ты вдвойне выигрываешь. Пусть даже никто не выучит новый язык, но зато ты будешь читаться. Тут, так сказать, беспроигрышная потеря.

Это если говорить о языках для развлечения. Если же говорить о всемирном – то его должны знать все. Если говорить о научном языке – его будут знать миллионы. Ну, а

все остальные – это как получится. Возможно, когда-нибудь будет создан какой-нибудь «морской язык» – специально для моряков. Если есть те, кому больше нравятся гласные звуки – они могут получить язык, где на каждую согласную приходится две гласные. Или, наоборот, в языке может почти не быть гласных.

Сейчас заметно, что интерес к развлекательным языкам не велик, но положение резко изменится, когда во всех странах будет введен Единый Всемирный язык. Это будет «удар по мозгу», люди поймут, что искусственные языки – это реально.

Говоря о перспективах языков, надо иметь в виду, что жизнестойки далеко не все из них, многие совершенно бесперспективны. И поэтому следует говорить лишь о перспективности языков, которые в достаточной степени априорны. Это, можно сказать, и есть показатель их востребованности в недалеком, и – я надеюсь – в очень скором будущем.

Во-первых, совершенно необходим всемирный язык. Выходя в интернет, ты сможешь общаться не только в пределах своей страны, но и далеко за ее пределами. Возможно, ты узнаешь, как заработать деньги, или найдешь себе более богатую Родину.

И во-вторых, многие страны бьются над проблемой многоязычия. В одной африканской стране живут два племени и говорят они на двух разных языках. Но государственным является французский, хотя там одни негры и ни одного француза. Если бы это был не французский язык, а эскимосский – от этого бы ничего не изменилось. Отсюда следует вывод: надо не хватать первый попавшийся язык, например, английский, а подойти к вопросу более тщательно и решить его раз и навсегда. Я, в некотором смысле, уже живу в будущем, потому как этот вопрос для меня решен, сюда, в будущее, вход открыт абсолютно для всех, лишь бы не было лени, упрямства и промывных мозгов.

Но всемирным может быть только один-единственный язык, поскольку даже два или три всемирных языка вынуждали бы нас выучить их все. Пустое пока что место этого языка – это ниша, которую пока никто не занял. Если же кто-то говорит, что английский и есть тот самый всемирный язык, то попробуй выйти на улицу и поговорить с прохожими по-английски.

Можно также добавить, что, кроме ниши всемирного языка, существуют также и другие ниши. И каждая ниша обычно предназначена для одного-единственного языка, а авторы языков стремятся в нее попасть. После попадания в нишу язык останется там навсегда. Если же кто-то изобретет еще лучший язык, процентов на 10, это ничего не изменит. На нишу обычно претендуют сразу многие языки. Лучший станет победителем, второсортное перейдет в другую нишу, некачественное отправится в утиль. Одни языки – перспективны, другие – совершенно проигрывают. Если, к примеру, сейчас на эсперанто говорят два миллиона человек, и 1000 из них – с самого детства, то в скором времени, я надеюсь, этот язык вымрет совершенно. Можно вспомнить, как по Земле бродили огромные динозавры, но от их величия не осталось и следа.

Есть также большая ниша для научного языка. Сейчас для науки используется латынь. Но латынь совершенно не соответствует своему предназначению. Это самый настоящий естественный язык, несколько искаженный и давно вымерший. Наука здесь только притом, что язык нейтрален, и не связан ни с одним государством. Ну, и еще постоянно. Необходим такой язык, который позволит создавать новые научные термины и общаться ученым между собой. Язык должен быть кратким и конструктивным. В эту нишу точно вписывается язык «арахау». Зачем, к примеру, нам латинские диграфы «th» и «gh», которые все равно читаются как «т» и «р», и какой толк от падежей? Особенно в науке, которая не терпит излишеств и эмоций.

Если говорить о нишах, то можно заметить, что иногда одна ниша предназначена для одного, пока еще неведомого, языка, другие – для нескольких языков, а, если говорить о развлечении – то это ниша для множества языков. Но в последнем случае будет иметь место конкуренция. Лучшие, более эффективные языки – будут востребованы, а тот конлангер, кто слаб мозгом – будет в полете.

Человек и Кошка

Весь вчерашний день она ждала его в уголке прилавка, на своем обычном месте... Мимо проходили люди, одни совсем не замечали ее, другие вскользь улыбались и отворачивались... В ее глазах все они сливались в один черно-белый поток. И только он был другим, не таким, как все они. Но он так и не появился, ни в свое обыкновенное время, ни позже... А она все ждала его, даже ночью не сворачиваясь калачиком, так, как ей подсказывала ее природа, а напряженно сидя и оборачиваясь на любой звук. Только высоко в небе перемигивались звезды и шум машин, завозящих товар

на склады, напоминал о том, что этот мир еще существует.

Не было его и на другой день, и на тот, что следовал за ним... Она поняла, что не ела уже целую вечность только тогда, когда добродушная и смешливая Даша из ряда напротив положила перед ней кусок колбасы.

— На, поешь. Не вернется твой хозяин. Оттуда не возвращаются.

Кошка повела уже изрядно одеревеневшей за несколько дней ожидания серой спиной, но к угощению так и не притронулась. Даша вздохнула и отошла от пустого прилавка, за которым обычно стоял и торговал всевозможными средствами от тараканов и крыс ее сосед. И всегда рядом с ним была Кошка. На рынке, где все торговцы знали все обо всех и друг друга, как облупленных, никто и никогда не слышал о его семье. Или его прошлом. Знали только, что он помогает бездомным кошкам, пристраивает их в хорошие руки, кормит и лечит. А еще, что эти гордые свободолюбивые звери всегда приходят к нему сами. Но лишь одна только Кошка находится при нем неотступно.

Жизнь на заставе «Сари Гор» особым разнообразием не баловала. И то утро ничем не отличалось от предыдущих. Пяндж шумел в ущелье и закручивал в водовороты сухие листья, ветки и мусор, принесенный потоком с афганской стороны. Несколько сторожевых овчарок лежали, высунув красные трепещущие языки, у нагретой солнцем стены. Внутрь, в холодок, им был путь закрыт. Только Джамаль, любимый пес старшего лейтенанта, имел беспрепятственный доступ куда угодно и в любое время. Никто этому не удивлялся, потому что каждая собака на блокпосте знала, что в свое время Джамаль спас раненого командира от душманов.

На блокпосту было тихо и сонно, парни развлекались, кто как мог. Карты и шахматы уже стояли костью в горле, десяток книг был зачитан до дыр, а счастливый обладатель позапрошлого мартовского номера «Плейбоя», Витька Тихаев, жлобился и разглядывал цыпочек в одну рожу. Пограницы уже битый час, не стесняясь в выражениях, обсуждали Витьку и его жадность, но отбирать журнал не стали — знали, что Тихаев кэмээс по борьбе и, вообще, на всю голову контуженный. Поэтому скучали и, чтобы совсем не закемарить, били на спор мух пожелтевшей «Правдой». Насекомые пока что побеждали, в большинстве случаев уворачиваясь от смертоносного средства массовой информации, только пара самых нерасторопных оказалась размазанной по столу и дергала лапками в предсмертной агонии. Для них хоть что-то в этом всеми проклятом мире изменилось. А для всех

прочих день шел, как титры в замедленной съемке, не оставляя места ни для каких чувств, кроме всепожирающей скуки.

Поэтому, когда дозорные притащили тех двоих, блокпост необычайно оживился. Старик, смешно подметая пыль полами халата, трепыхался в руках двух бойцов. Следом вели чумазого мальчугана в разорванной черной жилетке и рубаше, смешно оттопыренной у пояса с одного бока. Он, в отличие от старшего, не делал попыток вырваться, только все время бросал быстрые взгляды на свой пояс, туда, где выпирала рубаша.

Задержанных подвели к старлею. После непродолжительного допроса приступили к обыску. Джамаль, нетерпеливо рвавшийся с поводка, обнюхал афганцев и зашелся в злобном лае. Старик покорно сбросил халат и выложил пару пакетов с дурью. Мальчишка тревожно заерзал и стал что-то быстро с умоляющей интонацией лопотать на пушту. Старлей прикрикнул на него и жестом приказал снять рубашу. Мальчишка испуганно замотал головой и попытался прикрыть грязными ладонями то, что было спрятано. Передернув затвор калаша, старлей матюгнулся, и с легкостью отодвинув судорожно сжатые маленькие пальцы, рванул выцветшую ткань. Из прорехи показалась маленькая серая голова. Котенок щурился на яркое солнце и вдруг зевнул, вызвав хохот собравшихся вокруг бойцов. Брезгливо отдернув руку, старлей приказал одному из солдат продолжить досмотр задержанного. Но больше у мальчишки ничего не оказалось. Закончив с обыском, солдат спросил у командира блокпоста, что делать с афганцами. Старлей утер пот со лба, приказал отвести обоих в камеру до выяснения и уже собирался уйти, как в спину уткнулся нерешительный вопрос «а с этим что?». Не понимая, чего еще не ясно, командир обернулся и уперся взглядом в серого котенка, как ни в чем не бывало сидящего в выжженной траве. «С этим?... А с этим Джамаль разберется...» и отщелкнул карабин от ошейника овчарки. Собака молниеносно рванулась к серому. В его глазах вспыхнуло любопытство и непонимание, сменившееся паническим ужасом. Столпившиеся бойцы только успели заметить, как серая тень метнулась в сторону деревьев, но мгновенно скрылась под массивным телом овчарки. Короткий писк, и все было кончено. Джамаль поднял окровавленную морду с налипшей серой шерстью к хозяину. Старлей коротко кивнул и потрепал собаку по загривку, прищелкивая карабин к ошейнику.

— Фамилия, имя, отчество?

— Старший лейтенант Никитин Владимир Сергеевич

— Это ты у себя в войсках был старлей, а здесь ты никто, пыль лагерная! Статья?

— 228, часть вторая.

— За сбыт наркоты, что ли? Ну ты даешь, герой... С духами бизнес себе решил устроить?

— Ошибаешься, начальник, подставили меня. Витька-Тихушник, гад, пакет спер, а как разбираться начали, мне его скинул...

— Ну да, конечно. Здесь всех «подставили». Сержант, обыскать его и в двадцать первую. Пускай товарищу старшему лейтенанту, бывшему герою России, коллеги объяснят, в чем он не прав, если он по-хорошему не догоняет.

Вот уже три года старлей Никитин топтал зону. До «звонка» оставалась еще пара лет, но он понимал, что, скорее всего, их не дотянет. Тихаев, ненавидевший командира, сумел сделать так, чтобы жизнь его в заключении стала невыносимой.

Как оказалось, у этого отмороженного спортсмена на гражданке были крутые связи, как среди криминала, так и среди ментов. И одним подброшенным пакетом дело не ограничилось.

Уже неделю, как Никитин «отдыхал на больничке» после очередной «прессовки». Доктора в очередной раз удивлялись его живучести, а он только молчал и долго, часами напролет, смотрел в зарешеченное окно, за которым, где-то очень далеко, были его Маша и маленький Коля. В последнее время Маша писала редко, и он даже не знал, что с ними, как они там. Машу он, конечно, понимал. Зачем перспективной молодой женщине, делающей стремительную карьеру, муж – разжалованный офицер и зэк? Но как быть с Колей? Жизни своей без сына Никитин не мыслил. Наверное, он был тем единственным, что держало его на плаву и заставляло жить, несмотря ни на что.

Где-то далеко, за окном, был слышен собачий лай. С этапа привезли новую партию, и охрана еле сдерживала овчарок, яростно рвущихся к шеренге переминающихся с ноги на ногу, не выпавших осужденных. Никитин вспомнил своего Джамалю, и забинтованная рука невольно погладила воздух. Верный пес, он так и остался там, на перевале, где шумит Пяндж, отражая в своей мутной беспокойной воде облака, бинтующие закатное солнце...

Никитин впал в забытье и почти не почувствовал боли от очередной перевязки.

Через две недели пришел письмо от Маши. Жена писала, что Коля тяжело заболел, нужны деньги, очень много денег, и она продает квартиру. Еще она сообщила о том, как ей трудно одной, как стыдно глядеть в глаза соседям и знакомым. Никитин долго сидел, обхватив голову руками. Первый раз в своей жизни он не знал, как быть.

Ночью, когда бывший старший лейтенант попытался пересечь запретку, луч прожектора уперся в него, словно взгляд Бога, вопрошающий: «Кто ты есть, и есть ли что-то для тебя?». Он не знал, что на это ответить. Уже не знал. Он искал глазами глаза овчарок, надеясь увидеть в них то, что видел в глазах Джамалю. Но ответом ему был яростный лай и пена, капающая с клыков. Ему показалось, что он видит Колю, как тот мечется в своей постельке в горячечном бреде и зовет папу. Никитин удивился, увидев, что у его сына очень смуглые руки и вдруг понял, что это тот самый афганский мальчик, которого они задержали на границе. Когда сторожевая собака подмяла его под себя и он ощутил ее горячее дыхание на своем лице, старлей подумал, что это афганское солнце достигло его, все глубже вбивая в черную от крови траву....

Когда Кошка поняла, что ее Человек не вернется, она спрыгнула с прилавка и чутко повела ушами. Инстинкт, или нечто большее, о чем нельзя знать, но можно чувствовать, говорил ей, что Человек еще здесь, в этом мире. Но еще немного, и он навсегда оставит ее. Как когда-то оставил Человека его ребенок – об этом он рассказывал ей долгими ночами, когда не мог заснуть.

Кошка знала, куда идти. Она несколько раз чуть не попала под машину и еще несколько раз сбивалась с дороги. Но ей было все равно. Ее вело то чувство, которого так боятся люди. Боятся потерять себя и никогда не вернуться. Но она знала, что именно это – дорога, которую не умеющие видеть дальше себя принимают за тупик.

За воротами больницы Кошку встретила стая собак. Но ей не было страшно. Только когда черная лужица блеснула в свете фонаря, она успела подумать, что ее девять жизней – слишком малая плата за его добро. И за ее свободу....

В это мгновение он открыл глаза.

www.arahau.ucoz.ru

Черная икона (отрывок из повести)

*Люди видели намедни,
Темной ночью на заре,
Это верно и не бредни,
Там на камне-дикаре.
Узнай же! Мава черноброва,
Но мертвый уж, как лук, в руках:
Гадюку держите сурово,
И рыба песня на устах.
А сзади кожи нет у ней,
Она шиповника красней,
Шагами хищными сильна,
С дугою властных глаз она,
И ими смотрит в упор,
А за ремнем у ней топор.
(Велимир Хлебников «Ночь в Галиции»)*

Невысокие сосны и могучие дубы с разлапистыми ветвями надежно укрывали поляну от посторонних глаз. Здесь, в лесной чащобе, чотовой рискнул зажечь костер, вокруг которого расселось двадцать бойцов.

Слегка в стороне от мужчин, на поваленном бревне сидела молодая девушка – стройная, с тонкими красивыми чертами лица.

Среди чащоб Полесья и отрогов Карпат девушка смотрелась существом из другого мира – где душные испарения поднимаются от топких болот, кишящих водными гадами, а в глубине джунглей волосатые зверолюди молотят огромными лапами по могучей груди. Не случайно ей дали кодовое имя «Мавпа», с оскорбительным подтекстом – «обезьяна». Впрочем, молодая женщина не возражала, а со временем, бойцы все чаще норовили назвать ее «мавкой», опасной лесной чертовкой. Такое имя подходило ей больше – девушка была куда симпатичнее обезьяны, но то, что она делала с пленными поляками или большевиками, наводило дрожь даже на Леся Ковальчука, начавшего борьбу еще в Сичевых Стрельцах. [...]

– Все готовы? – отрывисто спросил Ковальчук, оглядывая заваленный трупами зал.

– Не совсем, – гортанно рассмеялась черная девушка, усаживаясь на пол, – этот еще живой.

«Этот» был лежащим на полу молодым парнем, с ненавистью смотрящим на националистов. Его рука зажимала правый бок, сквозь гимнастерку сочились алые капли. Чотовой присел рядом.

– Имя, фамилия, звание?

Парень зло сверкнул глазами и отвернулся. Ковальчук пожал плечами.

– Он твой, Челита, – сказал он, повернувшись к мулатке. Та благодарно сверкнула белыми зубами в ответ. [...]

Из-за двери раздался крик, полный боли и ужаса. Ковальчук перекрестился и направился к выходу, вслед за ним потянулись и остальные бойцы. Националисты рассыпались по двору, чутко ловя каждый звук извне, чтобы хоть отвлечься от приглушенных криков и гортанного песнопения на незнакомом языке. Все это сопровождалось громким стуком, словно в доме заколачивали гвозди. [...]

Минуло часа три, когда из дома наконец вышел Дмитро с закатанными руками, обнажающими выпачканные в крови руки. Следом на ступеньках появилась Чели-

та, держащая под мышкой нечто, напоминающее доску, завернутую в черную ткань.

Выйдя из комнаты, Галина прошла по коридору и остановилась перед дверью из потемневшего от времени дерева.

– Челита? – негромко спросила она, – Ковальчук зовет, выходи.

Не дождавшись ответа, девушка толкнула дверь и вошла внутрь, зажмурившись от яркого света, ударившего в глаза. Плотные закрытые ставни не пропускали дневной свет и в полумраке особенно ярко горели свечи на небольшой полке в дальнем углу комнаты. Раньше здесь, видимо, была божница, однако ночью, укладываясь спать, Галина не заметила иконы. Сейчас полка точно не пустовала – чадающие черные свечи освещали большую икону с изображением Богоматери и младенца. Галине бросилась в глаза необычайно темная кожа Мадонны и младенца – даже более темная, чем у мулатки. Через левую щеку Девы тянулись длинные шрамы.

Челита не сразу заметила Галю – преклонив колени перед иконой, та молилась на незнакомом языке. Украинку охватил неприятный озноб: словно и не было за окном солнечного дня, не простирались там леса родной Галичины. В мерцании свечей перед черной иконой, в бормотании Челиты, в скользких по углам уродливых тенях, чувствовалось нечто, полное скрытой, неведомой угрозы.

– Челита, ты слышишь меня? – повторила девушка, когда бормотание прекратилось.

Мулатка медленно, словно нехотя, развернулась всем телом и посмотрела на Галину.

– Извини, что не ответила сразу, – вкрадчиво прошептала Челита, – но ты же понимаешь...

– Да, конечно, – кивнула девушка, – помолиться никогда не помешает. В фольварке икону взяла, – Галина вспомнила «доску», которую выносила «Мавпа».

– Да, – сказала Челита, – прятали ее от Советов, под всяким хламом, а я вот нашла.

– Это ведь Ченстоховская икона, верно? – Галина подошла ближе, – Черная Мадонна?

– Список с той иконы, что в монастыре на Ясной горе, – кивнула мулатка, – не знаю, как он к тому лягу попал. У меня на родине ее тоже почитают, правда, зовут по-другому.

– Правда? – невольно заинтересовалась Галина, – а как?

Впервые Челита заговорила о местах, откуда была родом.

– Эрзули Дантор, – с благоговением произнесла черная девушка, – сестра Эрзули Фреды, богини любви. Ее сестра – белая, ветреная и беззаботная, ее призывают влюбленные и поэты. Эрзули Дантор – черная, воинственная и жестокая, покрытая шрамами от ударов кинжалов. Она призывает к восстанию и крови, наставляет хунганов и мамбо в колдовстве вуду.

При этих словах Челита вскинула голову и Галина невольно отшатнулась – ей показалось, что глаза мулатки блеснули зеленым светом, как у кошки.

– Она с – Гаити, – размеренно говорила Челита, – с тех пор, как в Каймановом лесу мамбо Марине принесла черного борова в жертву Эрзули Дантор. И черные поднялись, вырезая хозяев и сжигая усадьбы. Пламя очистительной войны взметнулось над Гаити, и духи Гuedeс с хохотом носились над островом, купаясь в пролитой крови.

Она говорила и дальше, словно забыв, о находящейся в комнате Галине – но зато девушка не пропускала ни слова. Сказанное находило неожиданный отклик в ее

сердце: именно так, в крови и огне, начиналось страна, откуда пришла Челита – пришла туда, где иной народ, иной веры и крови, вел столь же страшную и кровавую борьбу за свое государство.

Она взяла за руку ошеломленную от всего услышанного Галину и подвела к иконе.

– Хочешь помолиться ей, – прошептала Челита, – так как молятся лоя на моей родине?

Галина машинально кивнула, словно зачарованная, не сводившая глаз с иконы. Пронзительные глаза Матери и Сына, казалось, прожигали ее насквозь, заворачивая непроглядной чернотой, в которой мерцали красные искорки.

– Протяни руку, – сказала Челита, и Галина машинально подчинилась. В руке мулатки появился острый нож и она сделала глубокий надрез на пальце девушки. Та даже не дернулась от боли, заморожено глядя как кровь капает в шипящее пламя свечей.

– Теперь она будет слышать тебя, – вновь зазвучал у нее над ухом голос, и Галина, обернувшись, увидела странную улыбку мулатки, – Эрзули Дантор милостива к женщинам на войне, защищает женщин от мужской несправедливости, помогает женщинам, что мучаются родами и благоволит женщинам, что любят других женщин.

Челита улыбнулась – соблазнительной, порочной улыбкой, выглядевшей чуть ли не кощунством рядом с иконой, окруженной горящими свечами. Глядя в глаза украинки, мулатка поднесла ее руку к своим губам и облизала окровавленные пальцы. Галина почувствовала как ее тело охватывает непонятная дрожь, ей было одновременно и мерзко и страшно и приятно. Челита выпустила руку славянки и вдруг, обхватив ее голову ладонями, привлекла к себе и порывисто поцеловала в губы. Галина застыла на месте, на миг лишившись дара речи, не в силах осмыслить происшедшее.

– Попробуй на вкус собственную кровь, – рассмеялась, отстранившись Челита и, обернувшись к алтарю, задула свечи, – а теперь пойдём. Я и вправду еще не ела, а впереди долгий путь, – закончила она, сняла икону и бережно обернула ее черной тканью. [...]

Молодая женщина, закутанная в черное траурное одеяние, стала на трибуне рядом с Бандерой. Бледные тонкие пальцы крепко сжимали большую икону, на которой Черная Мадонна склонила голову к темнокожему младенцу. [...]

Бледные щеки той, что держала икону, порозовели, тугая грудь под черным платьем тяжело вздымалась, глаза горели фанатичным блеском. Словно в экстазе Галина вскинула над головой икону и многим из крестившихся на нее бойцов показалось в тот миг, что лицо женщины и Черной Мадонны стали удивительно схожи. [...]

Под новые аплодисменты и восторженные крики двое крепких хлопцев развернули за спиной оратора большой флаг. Торжественно-мрачно смотрелись на нем цвета древних духов тьмы и смерти, уже помогших «борцам за свободу» с далекого заокеанского острова создать собственную империю Тьмы и Крови.

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ, г. Краснодар

Притча

Хомяки жили на поляне среди кустов. Кусты были зелены и с них постоянно падали кокосы. Большие, один могли грызть несколько хомяков, пристроившись с разных сторон. От чистых и теплых дождей натекали лужицы, из которых было удобно пить.

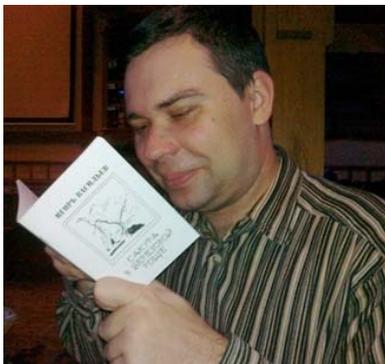
Но хомяков кто-то ел. Иногда они просто пропадали. Иногда оставались кусочки тушек. И хомяки не знали, кто и когда это делает. Хомяков было много, и зелень скрывала их друг от друга. Надо было есть, пить и искать подругу.

Но иногда несколько хомяков все же собирались вместе поболтать о том, о сем. Например, о том, кто их ест. Тем более, что они знали, что пока они вместе, их не тронут...

Одни говорили, что их собратъев ест черное бесформенное существо, которому нет имени. Другие – что их тайно едят кокосовые кусты за то, что хомяки едят их плоды. Третьи – что некоторые хомяки тайно пожирают других хомяков. То ли от злости, то ли в порыве безумия...

Одни говорили, что Всемирное Зло завидует счастью хомяков и хочет их истребить. Другие говорили, что Мировое Добро печется о благе хомяков, и не желает, чтоб они съели все кокосы и умерли с голоду...

Одни хомяки говорили, что если долго идти в одну сторону, то хомяков перестают есть, и вся земля покрывается кокосами. Другие утверждали, что если долго идти в одну сторону, то больше нет никаких кокосов и любого хомяка сразу съедают... Так или иначе, некоторые хомяки пропадали, и их больше никто не видел...

Богиня

Под ноги ветер бросает
Свежие лепестки
Пытаясь залезть под кофточку...
Небо он укрыл облаками,
Как шиншилловым покрывалом.

* * *

Весна теплом преет
Что-то начинает цвести.
Другое – гнить и вонять.
И на все тихо льется
Весенний дождь...

Что в окно заскреблось?
Снег или дождь?

Снег

Снег, наклоняясь, заглядывает в окно,
Приблизив лицо к стеклу.
Надо мной нависает он.
Снег, опустившись
Лег вокруг дома,
Как удав вокруг своей кладки.
Что он высидит из меня?

Мокрый снег

Съежился на траве
Подальше от черного асфальта.
В отмытом небе –
Белая звездочка.

Привет Шарлю Бодлеру

Красные листья заглядывают в окно,
Стирают слезы дождя.
Бесы прогуливаются по асфальту,
Страхивая воду с хвостов.
Я пью шампанское.
В него село золото солнца...

Пара в тумане, душа оседает
Мошкой падает
В рюмку...

Евразийская Елена

Елена танцует,
Словно идет под ручку
С работы или в кафе.
Под тихим и бледным небом.
По дремлющей желто-бурой степи.

Клон

На планете Земля, чтобы вспомнили это:
 Для меня уже в прошлом остался двойник...
 В неизвестность Вселенной уносилась ракета,
 В одиночестве где на борту я возник.
 Появился на свет – с этим разве кто спорит?
 От задачи своей никуда не уйти.
 По сигналу извне я родился в растворе,
 Я такой, как и он, как две капли воды.
 Его память со мной, опыт возраста – хватка...
 Через пропасть времен, бездну лет световых
 Чья душа перешла вся в меня без остатка,
 Отчего я хочу спать в цветах полевых.
 Эмбрион по часам, по секундам, как выстрел,
 Вырос, словно фантом, из немой пустоты.
 Клоном стал первый раз – про себя я домыслил.
 На орбите кружусь у далекой звезды.
 Суждено зондом сесть на чужие планеты.
 Эхо в космосе я. Здесь моя колыбель.
 Гроздь звезд предо мной – чудо их самоцветы -
 Мне раскрыли объятия – к ним бросаюсь в постель.
 Ухожу от ракеты в челноке по программе
 И лечу в Антимир. Мне еще невдомек...
 Биокопия я – и нацелен упрямо
 Лишь один выбрать путь среди звездных дорог.
 Уношу в себе свет мной не прожитой жизни
 Астронавта, теперь моего двойника.
 Я без женской любви, без любимой Отчизны.
 Чтоб вернуться мне к ним, я затратчу века.
 Но случись что со мной, мне никто не поможет?
 Как хочу я коснуться родного лица!
 Высший разум, где ты? – прогневил тебя, Боже,
 Что рожденным я не был по законам Творца.
 Мне бы крылья иметь, чтоб от легкого взмаха
 Возвратиться бы к ней и любить наяву.
 К моей женщине я клоном выйду из мрака,
 Окунуться хочу с ней в простор – синеву.
 В запах трав бы уйти, в беге с ветром поспорить,
 Счастье с ним и восторг для посланца Земли!
 ...С опозданием взглянул, как взбесились приборы,
 На экране возникла планета вблизи.
 Опоздал на чуть-чуть – для меня это слишком.
 Человек я, иль кто? – про себя не пойму.
 Без защитного поля я молнии вспышкой,
 Польшая, лечу в беспросветную тьму.
 ...Воскресает, встает клон опять из раствора.
 То, что был до меня, неудачный тираж.
 Не спеша, без потерь я пойму очень скоро:
 Антимир подо мной или просто мираж.
 Для потомков я – всполох минувшего века.
 Что творится со мной – как безумия сон.
 В зазеркальной Вселенной вновь звучит громко эхо -
 То с конвейера сходит народившийся клон!

Из букваря

Маша раму мыла,
 Мыла и разбила.
 Мама Машу била,
 «Сволочь!» – говорила.

* * *

Кавалер вам на вечер нужен?
 Домовой к вам придет на ужин.
 Мужичок просто обворожительный...
 А тест на беременность – положительный.

Случай в лесу

Как-то под вечер, в далеком лесу,
 Мальчик Андрей заблудился в лесу.
 Чтобы ребенка найти поскорей,
 Вызвали в помощь отряд егерей.
 Дружно заверили всех егеря:
 – Хлеб поедаем совсем мы не зря;
 Насквозь лес быстренько этот пройдем,
 Час не пройдет, мы ребенка найдем!

Из лесу вышел под утро Андрей,
 Месяц искали потом егерей.

Дебаты

Сцепились двое в философском споре,
 Что для страны важнее и перспективнее:
 Чтоб быть менталитету априори,
 Или харизме стать вариативнее?

Кричал один: «Важнее менталитет!
 Он главный всюду, а харизма – нет».
 Другой ему заметил с укоризной:
 «Куда менталитету без харизмы?».

Работать надо лучше, продуктивной,
 Тогда и цены станут конъюнктурней.
 И с кризисом бороться конструктивно
 Мы будем всенародно – легитимно.

Который год подобные дебаты
 Ведут в российской Думе депутаты.
 Они уже и вспомнят-то едва ли
 О людях, что за них голосовали.

Человек, рисующий зверей

Человек сидел в позе йога. Станный головной убор напоминал огромные рога, а трехликая маска говорила о его прозорливости и непричастности ко времени. Слон, тигр, буйвол, носорог и два оленя окружали рогатого человека, чье открытое пытливым взглядам тело будто застыло в тысячелетней аскезе. Из одежды – только ожерелье и браслеты...

Вилор Петрович Ведунов захлопнул журнал с изображением рогатого бога и продолжил свою лекцию. Он, словно карельский колдун Вяйнямейнен или джинн лампы, тряс седовласой брадицей, нависая над внимательными слушателями:

«Заратустра – скиталец и один из первых кругосветных путешественников глубокой древности. Он прошел огромные расстояния – от островов Новой Земли через наивысшую точку Урала, гору Народна, обиталища грозных гиперборейских богов, к современным степям Казахстана и далее – к Индийскому океану. Впервые в мировых религиях он борется со злом не посредством колдовства, а своей верой, этикой и чистой нравов»...

Публика, надо сказать, собралась, как на подбор. Некая бабуся в кедах и с ярко напмаженными губами, одноногий калека в тельняшке, балерина в облегающем трико, юноша в очках, залепанных козюлями... Заседало научное шекспировское общество «Калибан», которое проходило под патронажем Международного леворадикального шаманского движения. Была у них и своя концертная программа, с которой колесили от города к деревне, и подпольная типография «Красный плуг». Там формально издавались произведения Шекспира, переведенные на мертвые языки народов Гипербореи. Что на самом деле шло с черного входа, никто точно не знал, но все были довольны. Руководил типографией художник и фокусник по совместительству Василий Макарыч Шивушкин.

«...Рука его, шершавая, будто первобытные жернова. Туземцы в местах, где проповедовал Заратустра, пуще всего страшились рукопожатий. Ибо полагали они, что душа человека во время приветствий обитает на кончиках пальцев, но забрать ее может только очень опытный маг... Такой, как наш Василий Макарыч»... – Ведунов на минуту умолк, чтобы немного отдышаться и показать собравшимся русско-лаосский словарь.

А вот, кстати, и сам Василий Макарыч. Маленький, коренастый, с пороссячими глазками на синеватой коже; точно маска лицо. А рука... действительно точильный камень. Он со всеми поздоровался и у горбачевского композитора пропал бумажник, у циркового кривляки – раритетная перьевая ручка, а генерал-поэтесса Ольга Зайцеловолкая и вовсе схватилась за сердце. Слава богу, вовремя. Лишь тоненькая струйка крови слегка испачкала белоснежную блузку.

Фокусник бесшумно удалился. А чего приходил, шут его знает.

«Василий Макарыч невероятно несчастный человек, – вещал Ведунов, разевая рот, будто рыба, которой не хватает кислорода. – Он художник, но может рисовать только животных. Человечья натура ему недоступна. Буквально вчера он пошел на гигантский риск, открыв новую выставку своих картин».

После слов Ведунова карлики и великаны, полицейские, дворники и дамы с котами на поводке в паническом любопытстве кинулись к раскрытым дверям, где в окружении своих картин стоял фокусник Шивушкин. Стоял и полировал ладонью медную табакерку.

Увидев людские изображения, зрители остолбенели, будто злонамеренный Персей показал им усеченную главу Медузы. На картинах были распоясанные люди, но их лица напоминали трупы забитых животных... Василий Макарыч понял, что все пропало и обреченно побрел к лестнице, оставляя за собой странные следы. А в гардеробе ему выдали не менее диковинный головной убор.

ИВАН КАРАСЕВ, г. Краснодар

АРТЁМ ФРАНИЧ, г. Краснодар

Свитер

Слова всегда во мне. Истории, образы – дорожки из старого майонеза...

Я иду по улице, мимо проносятся машины, ладони прячутся в растянутых рукавах свитера, который, как видите, я никак не выброшу. У меня есть новый, его купила мне на распродаже жена, и я его тоже люблю. Но старый выбросить все боюсь. Потому что так...

Да, в старом я ходил месяцами, жена стирала его, и я снова в него вползал. Я до безобразия растянул рукава и сам свитер, так, что если я захочу, то дотяну его до колен, спрятав там трусы, шорты или...

Новый. Да, на распродаже. На лице у меня была классическая трехнедельная небритость, и жена сказала, что пока наконец перестать косить под бомжа. Нет, она сказала «панковать». Определенно «панковать». Хотя под бомжа я тоже косил.

Мы выбирали часа два, ходя по магазинам и высматривая всевозможные распродажи. Раз или два мы почти выбирали, но потом она находила еще что-то. Какой-то нюансик, какая-то деталь: цена ниже, качество лучше, внешний вид не так подароват. Отмели какую-то хрень с горлом на ширине плеч, тонкая, прикольная, но слишком по-артхаусу. Батник был крут, но не по мне тоже. Слишком он батник, у меня таких штук пять дома панкует в чумодане, а я вроде как завязал.

Тут мы и вышли на него. Шерстяной или около того, рябой, как белый шум в телевизоре. Его и мыть-то особо не надо – любая грязь маскируется под белый шум. Я даже ради эксперимента с месяц его не стирал. Ничего, только запах в конце концов выдал меня. В общем, панковать я продолжал, только уже тихо, чтобы никто не заметил.

И все-таки я не знаю, где лежит правда и в какой из них мне лучше облачиться. Старый: яркий, растянутый, заношенный – мой. Новый: цивилизный, не заношенный, универсальный – тоже мое. И как решить?..

Я иду по дороге, мимо проносятся машины, булькая по тающей жиже, важно чавкая влажными фарами в сторону мертвых взглядов дорожных камер. В них сидят люди, и им невдомек, что, проезжая мимо меня, они невольно подключаются к спору моих внутренних друзей: что выбрать, свитер или свитер?

Перехожу дорогу, сажусь в маршрутку, смотрю, как очкастый мослатый казак что-то близоруко пытается разобрать в смартфоне, а на сиденье, чуть подальше, женщина в форме и в ушанке с оком Саурана на лбу настороженно лупоглазит по пассажирам. И тут я понимаю, что сегодня я как никогда прежде брит и аккуратен, но одет в старый, разношенный оранжевый свитер а la punk'que, а завтра, собираясь на работу, я нацеплю на себя тот, другой, белoshумный, который стирать не надо. Нет, панковать я тоже буду, только тихо, только тихо, подожжно – в душе. И вот я уже, улыбаясь, схожу с маршрутки на своей остановке...

И, кстати, у нового тоже рукава растянулись...

туманное утро
дворник жалуется на сына
и опавшие листья

темнеет...
на знаке «дорожные работы»
капельки влаги

пух с тополей
уткнулась в книгу продавщица
воздушных шариков

дом на отшибе
падает в лужу
свет из окна

зоомагазин
кот на прилавке
«не продается»

НИКОЛАЙ ГРАНКИН, г. Краснодар

ИЛЬЯ КРИШТУЛ, г. Москва

Как и зачем учиться играть в бейсбол?

Главное в бейсболе – не бейсболка, как многие думают, а хват биты, стойка и удар. И если вы научитесь правильно хватать, стоять и ударять, то все остальное придет само. Итак: большой палец правой руки должен лежать на рукоятке биты, касаясь мизинца и среднего пальца этой же руки, но обязательно параллельно указательному пальцу другой руки на расстоянии 2,73 дюйма от ногтя большого пальца. Второй мизинец следует расположить таким образом, чтобы он облегал рукоять биты, а расстояние между ним и безымянным пальцем не превышало 1,25 дюйма.

Локти в момент удара должны быть повернуты на 40 градусов в сторону и вниз, а в пассивной стойке наоборот, но обязательно налево. Ноги следует согнуть на 78 градусов, но только в коленях и полностью расслабить плечевые мышцы, делая основной упор на пальцы и пятки ног. Во время удара пятки ног должны смотреть в сторону, обратную удару. Сам удар наносить резко и сверху вниз, параллельно линии пояса, стараясь локтями не касаться талии, а ступни при этом должны отрываться от поверхности на 7-8 дюймов, но не одновременно. Сначала удар следует отрепетировать перед зеркалом. Когда вы перестанете пугаться отражения, смело бейте его и выходите во двор. Лобовые стекла у автомобилей находятся спереди. Помните звук автомобильной сигнализации, которая будит вас по ночам и приступайте к отработке удара. Не забывайте о локтях! Когда придет патрульная машина, покажите свой удар ее пассажирам и водителю. Теперь у вас есть 3-4 года, чтобы выспаться, отдохнуть от семьи и научиться играть в старинную карточную игру «очко». Но ни в коем случае не выбрасывайте биты! Если после суда вам ее не отдали – попросите друзей купить и прислать новую. Помните – только с ее помощью вы добьетесь любви и уважения от своих новых товарищей и выйдете на свободу с чистой совестью!

Иван Дубяга

Родился в Краснодаре, в 1980 г. В 1983-м переехал с семьей в Кишинев. Примерно с 1995-го серьезно увлекся музыкой, литературой и рисованием. В 1997 г. с кишиневскими друзьями создали группу, занимались примитивной звукозаписью, саунд-артом, сыграли пару концертов, «вели нездоровый образ жизни».

В 1999-м Иван вернулся обратно в столицу Кубани, поступил в Краснодарский государственный университет культуры и искусств на факультет музееведения и стал рисовать чаще и осознанней. Первый личный вернисаж состоялся примерно в 2007 г. в Краевом выставочном зале

в Ночь музеев. С 2006-го по настоящее время живет в дачном поселке в пригороде кубанской столицы. Участвовал в ряде групповых проектов. Персональные выставки: «Демонтаж черепа» в Краснодарском институте современного искусства (КИСИ) в 2012 г., «Оиды и Авры» в галерее Be In Art (Москва, 2013), «Алкотреш» – ночной клуб «КМЗ» (Краснодар, 2013), «Найди Бога» – коворкинг центр «Джонатан Ливингстон» (Краснодар, 2013), «Самое необходимое» в КИСИ (Краснодар 2013), «Невыносимое» (галерея «Лестница», роспись на стенах, Краснодар, 2014), «Папа, мама, домашний любимец и сосед» (Open Gallery, Москва 2014), «ТоТо» (Выставка-концерт, лофт «Типография», Краснодар 2014).

Обложка этого номера нашего журнала оформлена работой Ивана Дубяги «Никогда не знал, что говорить».